

18+

Ольга Карелина

Венецианское пробуждение

Пронзительные истории о важном

Победитель
в конкурсе Ridero
«Разбуди
читателя!»

Ольга Карелина
Венецианское пробуждение.
Пронзительные
истории о важном

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72480649
ISBN 9785006796867*

Аннотация

Что наша жизнь, как не мозаика из разрозненных мгновений, складывающихся в витиеватый рисунок памяти? Каждая история – искреннее откровение: первый поцелуй, закономерный развод, многолетняя дружба, мечта, ставшая реальностью... Автор возвращает ценность тому, что «прошло и забыто», предлагая и читателю вновь пережить чарующие моменты юности и горько-сладкий вкус взросления. Рассказ «Кольцевой маршрут любви» ранее был опубликован отдельной книгой.

Содержание

Венецианское пробуждение	5
Великий и могучий «Парамон»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Венецианское пробуждение Пронзительные истории о важном

Ольга Карелина

Редактор Анна Тарасова

Дизайнер обложки Соседова Дарья

Корректор Галина Лисина

© Ольга Карелина, 2025

© Соседова Дарья, дизайн обложки, 2025

ISBN 978-5-0067-9686-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Венецианское пробуждение

Бродить босиком по мощеным улочкам Венеции было моей мечтой со школьных лет. Душу будоражили лирические романсы поэтов, воспевавших этот таинственный уголок мира, а акварели знаменитых художников приковывали взгляд к величественной и романтической атмосфере города.

А после того как прочитала «За рекой, в тени деревьев», образы «путаной Венеции»¹ меня не отпускали: возникло настойчивое желание окунуться в историю города, где вместо улиц – каналы, где каждый камень пропитан прошлым, а роскошь и величие соседствуют с упадком и разрушением.

Поэтому, когда в рекламной компании «Парамон», где я работала, предложили корпоративную поездку в Италию на две недели с посещением в том числе Венеции, я раздумывала ровно одну секунду и вошла в пятерку тех, кто оперативно откликнулся и забронировал тур.

До неожиданного и такого притягательного путешествия оставалось чуть меньше месяца, за который надо было найти деньги, получить визу и, самое главное, пристроить на две недели десятилетнего сына. Его отец, с которым мы были в разводе уже два года, помочь отказался. Но тут судьба решила мне улыбнуться во всю ширь, и все начало складываться

¹ «Какая она путаная, эта Венеция, – искать тут какое-нибудь место куда занятнее, чем решать кроссворды». Эрнест Хэмингуэй. За рекой в тени деревьев

ся наилучшим образом: на работе дали премию, визу открыли оперативно, даже без моего присутствия в центре, а моя мама с радостью согласилась пожить с внуком все это время. И вишенкой на торте стала случайная, но такая счастливая находка – платье мечты.

Ах, как много в нашей жизни случается таких почти волшебных мгновений, когда, казалось бы, зашел купить яблок и йогурта, а на выходе тебя ждет нечто гораздо большее!

Накануне отъезда мы зашли с мамой в магазин «у дома» купить что-то в дорогу из продуктов.

Я уже мысленно выбирала между глазированным сырком и бананом, когда мама вдруг решила свернуть с заданного маршрута и пропасть в одежном отделе.

– Оль, примерь это платье. Оно прям твое!!

Платье на манекене было того самого красного цвета: на вешалке – чересчур яркого, а на человеке – почти всегда праздничного. Простое, без претензий, в белый горошек, оно напомнило мне другой «горошковый» наряд из юности – и тот чудесный вечер на пирсе в «Карагайском бору», когда я была абсолютно счастлива.

Я смотрела на платье, и в памяти оживали кадры: спонтанный танец на пирсе, круг друзей, летний вечер. В воздухе постепенно проступала тонкая неуловимая нить, тянущаяся к прошлому.

Войдя в примерочную, оказавшуюся зашторенным уголком, я еще смотрела на платье как на нехитрый кусок ткани,

но стоило протянуть руки, застегнуть пуговицу и подтянуть пояс, как непонятным образом оно вдруг стало частью меня самой, подчеркнув все достоинства разом. Я посмотрела на себя в зеркало и обомлела: ну до чего хороша!

Я чувствовала, что и мама видит то, что ощущала я, поэтому она смотрела на меня с восторженной улыбкой и легкой гордостью – это она разглядела платье!

Так накануне поездки в Италию из простой покупки в магазине «у дома» вышел настоящий праздник – и для меня, и для мамы, и, пожалуй, для платья в горошек.

Когда самолет едва только коснулся полосы компактного аэропорта Римини, я, молодая, свободная 30-летняя женщина, вдруг остро почувствовала себя героиней романтической новеллы – той самой, где за каждым поворотом ждут судьбоносные встречи и приключения.

Нас пятерых из «Парамона» мгновенно заселили в отель недалеко от аэропорта – белоснежные простыни, запах морской соли с улицы и сладостное предвкушение отпуска с итальянским акцентом... В такие моменты сложно представить, как еще может быть лучше. Ну если только предоставить каждому отдельные апартаменты.

Но по условиям корпоративного тура нас поселили втроем: я и влюбленная парочка с долгой историей отношений. Я отлично с ними ладила: Сережа всегда находил повод для остроты, а мы с Настей с удовольствием хохотали над его шутками.

«Парочка Twix» сразу же завалилась спать после ночного перелета, я же не захотела терять ни минуты. Переодевшись в свое новое красное платье – в нем я чувствовала себя неотразимой, – окрыленная, отправилась знакомиться с Римини и побережьем Адриатического моря.

У нас были ровно сутки на морскую передышку. На следующее утро огромный автобус с мягкими креслами – и непременно с водителем-итальянцем с певучим именем – должен был увезти нас в недельное путешествие по городам Италии. От одних названий уже кружилась голова: Флоренция – где даже воздух лепит из мрамора ангелов; Пиза – где каждая открытка наклонена к солнцу; Сиена – с ее самыми узкими средневековыми улочками; Венеция – где голуби на площади Святого Марка ждут меня; и, конечно, Рим – вечный, величественный, священный.

Еще сонный Римини обнимал утренней прохладой, а в дыхании города чувствовалась морская соль. Легкий ветерок трепал мои волосы, создавая витиеватую прическу в стиле «итальяно туристо».

Я шла по почти пустынным улочкам и наслаждалась ароматом свежей выпечки и кофе из только-только открывшихся кофейен. Переходя дорогу с немногочисленными машинами, не отрывала глаз от моря, улыбаясь открывшемуся моему взору бирюзовому великолепию.

А когда оказалась на пустынном пляже и, сбросив босоножки, почувствовала тепло белоснежного песочка, не до конца остывшего за ночь, радость захлестнула меня по-детски, до звонкого смеха: я побежала в море, раскинув руки, будто собираясь взлететь. Босая, я носилась по пляжу, кружилась, хохотала – счастье было простым, как это утро, как соль на губах, как ветер в волосах. Впереди – четырнадцать дней в Италии, в стране истинной *Dolce Vita*.

Чуть погодя, пожалев о забытом купальнике, я возвращалась с пляжа и размышляла: завтракать ли одной или подождать ребят?

И тут я увидела его.

Черноволосый кудрявый мужчина, по виду итальянец лет 30, стоял около пальмы у проезжей части и смотрел прямо на меня. Я смутилась, предположив, что мужчина стал свидетелем проявления моих спонтанно нахлынувших эмоций, улыбнулась и, потупив глаза, быстро перебежала дорогу. Он меня тут же догнал и слегка извиняющимся голосом стал объяснять на английском, что здесь нельзя останавливать машину, но он не смог не остановиться, увидев меня, переходящую дорогу. Что я так улыбалась, что осветила ему это утро ярче недавно проснувшегося солнца. Он говорил и говорил, а я себя поймала на мысли, что я его понимаю! Почти каждое слово. Учитывая, что в школе изучала немецкий, а английский был на многолетнем самообучении.

Когда же дошел и смысл его слов, улыбка самовольно рас-

положилась на лице. Прекрасное начало!

Италия со мной флиртует через этого милого мужчину.

Теперь уже я, слегка взволнованная таким вниманием, всматривалась в этого обаятельного итальянца с пленительными голубыми глазами, сияющими искренней теплотой. Я его прекрасно понимала, но сама едва справлялась с задачей передать свои мысли и эмоции. Стояла, улыбалась и на репите на его изысканные комплименты в мой адрес повторяла: «Thank you so much»².

Закончив доносить до меня, как он мной очарован, мужчина уточнил, понимаю ли я его, и, получив утвердительный ответ, показал на ближайшее кафе и спросил, смогу ли я быть здесь в двенадцать дня.

«А почему бы и да?» – мысль промелькнула легко, как птица в солнечном небе. Мы договорились встретиться за обедом.

Особого значения ни самой этой встрече, ни нашей договоренности я не придавала. На самом деле внутри меня все трепетало от совсем другого – сладостного предвкушения завтрашнего путешествия по стране, где каждый камешек пропитан историей, а города наполнены настоящими произведениями архитектуры и искусства.

Влетев в наши апартаменты, шумно и радостно я распахнула шторы и тут же принялась тормошить спящих друзей, со смехом причитая, что они все проспят, а меня между де-

² Спасибо большое (англ.).

лом чуть было замуж не забрали. Такой новостью я, конечно же, всколыхнула сонное царство: Настя и Сережа приподнялись на кроватях, жмурясь от ворвавшихся в комнату солнечных лучей и пытаясь вникнуть в суть моего утреннего переполоха.

– Без нас ни в какое кафе ты не пойдешь! – деловито сказала Настя, выслушав мою историю знакомства с итальянцем.

Хотя какое знакомство? Мы даже имени друг друга не узнали. Была просто лавина эмоций и комплиментов.

– Украдет – где мы потом искать тебя будем? А так мы его сфотографируем, подстрахуемся.

– Окей! Погнали уже купаться, сони-засони! У нас всего один день здесь! Кстати, завтрак у нас не включен, но по дороге на море изобилие разных кофеен с умопомрачительными ароматами. Поэтому let's go!³

Насладившись утренним кофе и легким завтраком, мы провели беззаботные часы на пляже – купались, смеялись, загорали, пока не настало время назначенного мне свидания. На встречу я отправилась скорее из жажды впечатлений, чем из иных побуждений: хотелось наполнить этот день у моря как можно ярче.

Волосы после купания еще не просохли, а весь макияж свелся к легкому блеску на губах. Напичканная советами Сережи и Насти, прижимая к боку купленный еще в России

³ Пошли (англ.).

русско-итальянский разговорник, я шагнула в прохладу кафе.

Он сидел за столиком для двоих, лицом к входу, и, увидев меня, тотчас поднялся. Широко улыбнулся и, махнув рукой, пригласил присоединиться.

Мне и так было хорошо: море делает людей легкими. А рядом с ним стало еще беззаботнее и веселее.

Когда вошли мои друзья, минут через двадцать после меня, я их даже не заметила: разговор с Андреа, так он представился мне, затянул с головой с первых минут.

Мы виртуозно прыгали с русского на английский, с английского на итальянский, а иногда и вовсе составляли свою языковую какофонию: оказалось, Андреа немного говорит по-русски. Все это только добавляло разговору приятных оттенков и неожиданного веселья.

Поэтому, когда подошли к столику Настя с Сережей, я даже обрадовалась, что столик на двоих и нам они не мешают продолжить общение. Очень уж не хотелось нарушать ту атмосферу непринужденной легкости, что образовалась между нами.

Я представила их друг другу, и ребята, улыбаясь, разместились за другим столиком, показывая мне жестами, что они за мной следят.

Через два часа Андреа тихо сказал, что ему пора на работу – в госпиталь, куда он и спешит каждое утро, но будет ждать меня завтра здесь в полдень. Я засмеялась: «В это вре-

мя я уже буду во Флоренции» – и тут же заметила, как переменялось его лицо. Только что в глазах плясали огоньки, а теперь будто кто-то одним движением задул их.

Уловив этот взгляд – растерянный и чуть грустный, – я вдруг почувствовала: кажется, я и правда запала ему в сердце. Таких глаз невозможно сыграть, даже если очень стараться.

– Сегодня вечером я обещал помочь маме, – тихо пояснил он. – Она живет не в Римини, мне после работы надо к ней. Вернусь ночью...

Предполагая, что мы вновь увидимся этим вечером, я тоже почувствовала укол легкого сожаления. Но нарочито жизнерадостно произнесла:

– Я вернусь в Римини через семь дней! Увидимся еще! – и почувствовала, что уже и не очень-то хочу отсюда уезжать так быстро.

Будучи наслышана про итальянское почитание матерей и семейные традиции, я как-то сразу поверила Андреа. Поверила каждому слову, каждой паузе и, самое главное, выражению глаз.

Мы обменялись номерами телефонов – и он уехал.

За эти два часа в кафе во мне что-то изменилось. Утром, накупанная морем и пропитанная солнцем, я мечтала лишь об одном – поскорее отправиться в путешествие по золотым итальянским городам. А теперь мысли все кружили вокруг Андреа и обескураженного взгляда, который появился, как

только он понял, что завтра я уезжаю. Такой взгляд не забывается: в нем и растерянность, и сожаление, и одновременно поиск альтернативного решения, чтобы что-то изменить.

Когда я встретилась с друзьями, они тоже почувствовали перемену и, чтобы развеяться, потащили меня гулять по Римини. День был яркий и солнечный – погода настойчиво требовала продолжать бескомпромиссно радоваться жизни. Решив, что «мое от меня не уйдет», я открылась новым приключениям этого щедрого дня.

Через древнеримский мост Тиберия, которому более 2000 лет, мы отправились в знаменитый рыбацкий квартал Римини – Борго Сан Джулиано. Все путеводители пестрели настенной живописью этого предместья, настойчиво зазывая на них посмотреть.

Неторопливо прогуливаясь по узким улочкам, то сплошь залитым июньским зноем, то вдруг погружаемым в живительную тень от разноцветных усадеб, мы разглядывали настенные фрески: одни рассказывали о былой жизни местных жителей, другие – о портовых пейзажах, третьи вдруг взрывались дерзкими граффити со сценами из фильмов Федерико Феллини.

На улочках – ни души, словно все живое затаилось в домах, за занавесками. Из приоткрытых окон доносился звон посуды, бормотание телевизора и разговоры на неповторимом, таком вкусном итальянском говоре: он баловал слух, как самый изысканный десерт.

Потом ребята решили съездить на экскурсию в Сан-Марино, а я отказалась, потому что Андреа обещал меня познакомить с этой миниатюрной страной так, чтобы я ощутила себя принцессой в средневековом царстве.

Прогуливаясь по набережной, совершенно неожиданно вышла к парку Федерико Феллини. Тень великого режиссера меня словно преследовала. Отметив необычный памятник фотоаппарату, я с интересом наблюдала за жизнью горожан: многие гуляли с собаками, кто-то играл в мяч, с детской площадки доносились звонкие голоса детей.

Вдруг заметила парня в яркой кепке – он стоял примерно в десяти метрах от меня и махал рукой, призывая подойти к нему. Я насторожилась, так как вспомнила, что уже видела этого человека на набережной.

Вежливо улыбнувшись, обозначив тем самым, что я его вижу, я покачала головой и пошла в противоположную сторону. Подойдя к фонтану с четырьмя лошадьми, из чьих ноздрей вырывались потоки воды, я снова увидела этого парня. Оказалось, он шел за мной, хотя и держался в стороне.

Я немного занервничала: он вновь подавал мне знак подойти. Его странное поведение вызывало небольшую тревогу, тем более что на улице уже начинало темнеть. Стараясь держаться поближе к людям, я продолжала гулять по парку, а он все так же привлекал мое внимание жестами. Эта странная игра длилась около получаса, потом он подошел сам и, глядя в глаза, без капли смущения резко заговорил:

– Why don't you come? You're alone. I've been watching you. I liked you. I want to get to know you⁴. Я растерялась от такого нахрапа и решила включить блондинку на полную мощь: – Я не понимаю. Я не говорю по-английски. Извините. Он некоторое время шел рядом, и я смогла рассмотреть его чуть внимательнее. На вид лет тридцать, не больше. Спортивный, смуглый, как, пожалуй, большинство итальянцев, с немного пугающими глазами – большими, карими, чуть навывкат, будто он удивляется всему сразу: и вечеру, и мне, и самому себе. Он поглядывал на меня и улыбался. Но от его улыбки не становилось ни легко, ни тепло. Молодой человек предпринял еще одну попытку: – I invite you to a restaurant. I want to give you a present⁵. – Sorry, I don't understand⁶, – машинально ответила я.

А потом, сама не знаю почему, выпалила:

– Я жду маму.

Он начал что-то быстро, как град по крыше, говорить на итальянском, мне показалось, немного раздраженно, активно жестикулировать, а потом, минут через пять, резко развернулся и пошел в другую сторону.

«Ух!» – только и подумала я. Такое внимание, да еще с таким напором от темпераментных итальянцев, не каждый

⁴ Почему бы тебе не прийти? Ты одна. Я наблюдал за тобой. Ты мне понравилась. Я хочу узнать тебя лучше (англ.).

⁵ Я приглашаю тебя в ресторан. Я хочу сделать тебе подарок (англ.).

⁶ Извините. Я не понимаю (англ.).

день бывает.

Я двинулась в сторону отеля, размышляя о том, как было бы хорошо сейчас не брести одной в этой курортной сказке, а гулять рядом с Андреа. Но за все это время от него ни одного СМС, только длинная, какая-то итальянская пауза. Волевым усилием прогнала навязчивые мысли о своем утреннем знакомом, но не могла не отметить, как по-разному в один день двое итальянцев выразили мне свое внимание и симпатию и какое разное послевкусие оставили после себя.

Ночью мне снился Андреа. А ранним утром настойчивый звук будильника на телефоне резко выдернул из приятных сновидений, и, приоткрыв один глаз, чтобы выключить этот неуместный звук, еще в легкой дреме я увидела на экране СМС от того, кто только что был во сне.

В тот же миг сонливость рассеялась, и я жадно стала читать его сообщение: «Dear Olga, I dreamed about you. I think about you day and night. I'm waiting for you. Don't forget me»⁷.

Сердце забилось быстрее, словно в унисон с его словами, а улыбка стала полноправной хозяйкой на моем лице.

– Лимон съешь, а то бесишь! – сонно проворчала Настя, которую тоже звук моего телефона вырвал из ласковых объятий Морфея.

Я подбежала к ней и, смеясь, обняла и показала сообщение. Мои глаза сияли не только радостью от полученной чу-

⁷ Дорогая Ольга, ты мне снилась. Я думаю о тебе днем и ночью. Я жду тебя. Не забывай меня (англ.).

десной эсэмэски, но и потому, что здесь, в Италии, в каждом мгновении я чувствовала себя героиней прекрасной сказки.

А вот растолкать невыспавшегося Сергея оказалось для нас с Настей тем еще подвигом! Даже если бы прогремел в номере выстрел из пушки, он постарался бы досмотреть свой сон, невозмутимо повернувшись на другой бок. После бессонной ночи во время перелета и двадцати тысяч шагов по Сан-Марино ему очень хотелось спать. Но жизнь в то раннее утро была к нему жестока. Две шумные дамочки его тормозили, обливали водой и пугали, что сейчас уедут без него. Поймав осознанный взгляд Сережи и пообещав, что в автобусе он сможет еще поспать, мы наспех выпили кофе, собрали чемоданы, сумки и, делясь вчерашними впечатлениями, спустились к автобусу, который уже ждал у входа в отель.

Из Римини я уезжала с будоражащими сердце размышлениями, как случайная утренняя встреча обернулась началом интересной истории. То, что будет продолжение, в то утро я не сомневалась ни на секунду.

Также ни на секунду я не сомкнула глаз в дороге, потому что открывающиеся живописные виды за окном словно соревновались с увлекательным сюжетом моих итальянских каникул. Сочно-зеленые склоны, пушистые леса и плантации, виноградники и реки, аутентичные деревушки и маленькие европейские города держали мои глаза и сердце открытыми нараспашку.

Шесть дней путешествия промчались со скоростью итальянского экспресса – каждый город Италии оставлял внутри богато и щедро смешанную палитру ранее неизвестных чувств и впечатлений. Каждый день был наполнен до краев яркими мгновениями.

Вот я со слезами восторга смотрю на картину, написанную рукой великого Боттичелли, и кажется, что Венера из эпохи Возрождения сходит на берег лично ко мне.

А вот я в знаменитом кафе *Caffetteria degli Uffizic*, где с удивлением обнаруживаю, что итальянский вариант салата «Цезарь» вообще не включает в себя ни курицу, ни помидоры, ни яйца. А состоит из листьев салата, заправленных оливковым маслом с лимонным соком и уксусом, а сверху слегка приправлен пармезаном и анчоусами, которые я не люблю. И это стоит 15 евро?!

А вот я брожу по узкой улочке в Сиене и, подняв руки в стороны, прошу Настю сфотографировать на память – как доказательство того, что улицы действительно такие узкие: мои ладони касаются окон, чьи ставни почти никогда не открываются нараспашку из опасения задеть прохожего.

А вот я у знаменитого фонтана Треви снимаю с уха наушник, через который на пешей экскурсии звучит размеренный голос гида – он рассказывает об истории происхождения и легендах, связанных с этой римской достопримечательностью. Отключаю свой персональный мир, чтобы ныр-

нуть в жужжащий интернациональный гул голосов, разносящийся вокруг. Люди из десятков стран, говорящие на разных языках, сливаются в единую волну, и вдруг ощущаешь – вот оно, мировое мощное единство, в которое ты вписан в этот миг. Задержавшись дольше обозначенного времени, я теряю из вида группу и только слышу в наушнике удаляющийся голос гида, не понимая, в какую сторону мне идти. Решила направиться в сторону людского течения, по *Via delle Muratte*. ...Голос в наушнике вдруг начал словно уплывать и стих. Я, испуганная неожиданной тишиной, подхватила свои страхи и бросилась бежать, не заботясь о впечатлении, в противоположную сторону, пока улица *Via di San Vincenzo* не распахнулась передо мной, и голос, снова проявившийся через наушник, – все четче с каждым моим шагом – стал для меня нитью Ариадны, ведущей к спасительной группе.

Увидев знакомые лица, с облегчением выдохнула. «Вот только потеряться мне в Риме и не хватало!» – прошептала себе, однако уже перед сном, вспоминая этот день и возвращаясь к своим эмоциям, я уловила в них нечто манящее – зов приключения. Надо путешествовать так, чтобы было что вспомнить! И на следующий день не раздумывая позволила этой шальной мысли воплотиться в реальность.

Завтра нас ожидал гвоздь программы – Ватикан! Я, конечно же, предвкушала встречу с фресками Микеланджело в легендарной Сикстинской капелле, да и других великолепий этого самого маленького в мире, но такого значительно-

го города-государства.

Увы, ни о каком безмятежном любовании искусством и сокровенном таинстве созерцания великих творений речи не было: человеческая лавина, подгоняемая охранниками и поджигаемая со всех сторон, неслась по залам музеев, точно бурный поток, стремительно проносясь мимо статуй, полотен вперед, к выходу, прочь от величия и глубины.

Я даже поймала себя на радости, когда наконец вынырнула из этого водоворота – и тут же, не раздумывая, решила сбежать из туристического центра куда подальше, в отдаленный район Рима, чтобы наконец-то увидеть город с его истинной, нефасадной стороны.

И это оказалось настоящим квестом: итальянско-русский разговорник я беззаботно оставила в отеле, а свой скромный опыт общения с итальянцами предательски навел меня на мысль, будто все они непременно владеют хотя бы базовым английским.

Стоило мне оказаться на окраине Рима и отправиться по лабиринтам витиеватых улиц, как город словно перевернулся наизнанку.

Расположенные хаотично дома были разного цвета, но все как один будто припорошены пылью, словно нарисованы небрежными мазками старой краской. Балконы увиты и зеленью, и развешанным бельем одновременно. Асфальт испещрен выбоинами, а воздух пропитан сыростью. Солнце здесь светило так же ярко, как в центре города, но тени ка-

жутся длиннее и страшнее.

На улице в середине дня людей было немного – как я и мечтала. Но в основном это были мигранты из Восточной Европы, Азии, Африки, и, признаться, их лица дружелюбностью не отличались. Они нахально поглядывали и ухмылялись, перешептываясь между собой. Итальянцы здесь встречались куда реже, и те, что попадались, смотрели на меня с недоумением, будто не могли понять, что вдруг забыла здесь туристка с распахнутыми от удивления и страха глазами.

Мне действительно стало не по себе в этом районе. Я растерялась: пусть это и было частью моего опрометчивого плана, но сейчас я мечтала только об одном – как можно скорее найти остановку автобуса и вернуться в центр города. Ни на английском, ни на русском мои слова здесь никто не понимал, и с каждой попыткой обратиться за помощью я чувствовала, что становлюсь предметом обсуждения. Казалось, что все вокруг шепчутся обо мне, и нарастающее чувство тревоги все сильнее захлестывало меня.

– Ватикан! Как мне проехать в Ватикан? – метнулась я к только что вышедшей из дома пожилой итальянке. Этот город на всех языках звучит одинаково, и я надеялась на понимание.

– Vatikano?

– Ватикано! Ватикано!

Женщина принялась оживленно жестикулировать и быст-

ро-быстро говорить. Я чуть ли не плакала, глядя на нее, не понимая ни слова, и только качала головой.

Вдруг она резко замолчала, внимательно меня оглядела, оглянулась по сторонам и, задрвав голову, кого-то позвала – несколько раз крикнула. На балкон второго этажа вышел черноволосый мальчишка лет десяти. Женщина громко и весело заговорила, снова размахивая руками и поглядывая на меня. Мальчик что-то уточнял. Я несколько раз уловила: «Ватикано». Через пару минут смуглый парнишка выбежал из дома и кивнул головой, чтоб я следовала за ним.

Поблагодарив жестом итальянку, я доверилась судьбе, быстро следуя за юным проводником. К остановке, петляя между уставшими домами, мы вышли минут через десять, тут же подошел автобус, на который мне и указал мальчишка.

Поспешно сунув ему в ладонь пару евро, не оглядываясь, я запрыгнула в спасительный транспорт. Сердце бешено колотилось – хотелось только поскорее уехать отсюда, прочь от этих тревожных улочек и чужих взглядов. Автобус тронулся, и только тогда я позволила себе выдохнуть, до дрожи в пальцах осознавая, каким пугающим может быть Рим вдали от его привычных, туристических фасадов.

Оставшуюся часть дня я провела в нашем уютном отеле, наслаждаясь последними теплыми лучами римского солнца. Все вокруг казалось особенно комфортным после недавнего приключения: бирюзовая вода бассейна, мягкие лежаки, хо-

лодный коктейль в красивом бокале. Я полностью расслабилась и вечером уже со смехом делилась со своими друзьями своими римскими приключениями.

На следующий день меня ждала встреча с мечтой. Венеция! Я готовилась к свиданию с ней, как с самым дорогим человеком.

Реальность превзошла все мои ожидания. Я впитывала каждое мгновение и запоминала все, как кинолента, будто глазами снимаю собственный фильм: вот он, Гранд-канал, исполосованный длинными гондолами, роскошные сверх меры дворцы, ручные и ленивые голуби на площади Сан-Марко. Атакованные туристами многочисленные кафетерии с головокружительным ароматом свежесваренного кофе. Дрожащая рука мима в маскарадном костюме эпохи Возрождения.

Стеклодув, рождающий на наших глазах хрупкую красоту.

Аутентичные магазины словно крошечные театры.

И вдруг, она, яркая, как сочный апельсин, – сумка, которую придумали специально для жизнерадостной и непоседливой женщины. Ни одна вещь так не упрашивала меня быть взятой и унесенной из тесного магазинчика.

Переливающиеся золотом, серебром, яркими красками и перьями венецианские маски – и мучительный выбор: какую же забрать с собой?

И наконец, собственные босые пятки на прохладных, отполированных веками камнях.

В пять лет, раскачиваясь на качелях в сон-час, я впервые

испытала то редкое состояние восторга, когда ликует душа. Такое не спутаешь ни с чем: внутри сердце вдруг превращается в маленькую солнечную электростанцию и наполняет каждую клеточку тела мощной, дерзкой энергией. Легкие раздвигаются, как будто становятся больше, и ты вдыхаешь так глубоко, что места в грудной клетке едва хватает для всего этого счастья и воздуха. Хочется кричать, танцевать, прыгать, делать хоть что-нибудь – только не стоять на месте, потому что стоять решительно невозможно, энергия требует выхода.

Я, тридцатилетняя женщина, с уже давно позабытым ощущением такого ликования, вдруг вновь почувствовала этот сладкий трепет – до дрожи, до щемотки в ступнях. Ступив босиком на прохладные камни венецианских улиц, я вновь оказалась той самой девчонкой, которой достаточно ветра в волосах и мягких солнечных бликов на лице, чтобы счастье стало невыносимо настоящим.

Безумно соскучившись за долгие годы по этому состоянию, я всем сердцем мечтала законтейнировать этот драгоценный свет в себе до самой последней искорки – чтобы ни время, ни тревоги не смогли стереть это яркое, живое ощущение, будто тебя на миг поцеловал сам Бог.

Венеция поставила красивую, почти каллиграфическую точку в этом чуть театральном путешествии по городам Италии, а также в медленном пробуждении моей собственной

души.

А в Римини меня ждал принц – Андреа, напоминавший о себе каждый день трогательными и порой забавными эс-эмэсками. За эти шесть дней мы умудрились и поссориться, и помириться, переплетая сообщения то упреками, то признаниями, как в настоящем итальянском романе.

С легким волнением и озорным любопытством – а что же будет дальше? – я предвкушала встречу с Андреа, который взял мини-отпуск на работе ради того, чтобы больше времени провести рядом со мной.

На наше первое свидание после разлуки он пришел без цветов. И ни его широкая улыбка, ни теплое объятие, ни его сияющие глаза при виде меня не произвели на меня впечатление. Почему-то именно эта невинная деталь – отсутствие цветов – прочно вцепилась коготками в мое сердце и ворочалась там легким, упрямым недовольством. Я чувствовала, что раздула собственные ожидания, – а ментальную пропасть и культурные различия между нами никто, разумеется, не отменял.

Андреа, уловив мое напряжение, прямо спросил: «What happened, amore mio?⁸» Улыбнувшись на его милый коктейль англо-итальянской смеси, я сбивчиво объясняла свою досаду. Он слушал, сморщив лоб, пытаясь понять, а потом вдруг расхохотался так громко и заливисто, что своим сме-

⁸ Что случилось (англ.), любовь моя (итал.)?

хом заразил и меня. И вот мы, стоя посреди улицы, несколько минут просто смеемся от души.

Я так и не узнала, что именно показалось ему столь забавным, но в тот момент это стало вообще неважно. Смех – моя самая любимая энергия, и, если мы вместе от всей души можем хохотать, все остальное перестает иметь большое значение. Он крепко взял меня за руку и повел гулять по красивейшим местам своего города.

Мы провели вместе шесть фантастических дней, будто тщательно отобранных судьбой для воспоминаний. Самый яркий из них озарился величайшим событием – победой итальянской сборной на чемпионате мира по футболу FIFA World Cup 2006.

Около одиннадцати вечера, когда комментатор истошно закричал: «Italia è campione del mondo!», мир вокруг меня буквально треснул по швам – все одновременно начали вопить, кто-то реветь от счастья, кто-то визжать, машины сигналили без остановки... Я даже видела, как люди катались по асфальту, словно дети. Смех сливался с песнями, объятия – с танцами, в небо один за другим взмывали разноцветные фейерверки. Поддавшись всеобщему ликованию, я тоже, словно итальянка, размахивала зелено-бело-красным триколором в окно автомобиля и кричала: «Siamo

campioni!»

9 июля 2006 года мы с Андреа растворились в этой всеобщей истерике счастья, навсегда став частью пестрой, оглушительно счастливой риминской ночи – ночи, которую невозможно забыть.

А через несколько дней мы уже прощались в аэропорту, и сердце сжималось от неизбежного расставания. Вокруг нас суетились пассажиры, а мы словно застыли в моменте, наполненном легкой грустью.

Он нежно шептал мне на ухо, смешивая языки в один опьяняющий авторский коктейль. Я понимала далеко не все, но слушала, как слушают песню на чужом языке – сердцем, а не словами.

Мы стояли у фирменной витрины Piquadro, и Андреа вдруг, взяв меня за руку, завел в отдел и предложил выбрать подарок, который бы напоминал о нем. Мой выбор остановился на кошельке бирюзового цвета – цвета моря в Римини, познакомившего нас.

Накануне мы договорились, что расстаемся до осени: в свой отпуск он прилетит знакомиться с моей мамой и сыном. И я в тот момент свято верила, что так оно и будет...

Первый день дома прошел в слезах. Не хотелось ни видеть никого, ни слышать. Только строчить СМС в Италию и жадно читать теплые ответы. Но уже через пару дней родной

город ловко закружил в привычных делах, и интенсивность переживаний значительно поутихла. Красное платье в горошек отправилось на дальнюю полку: насколько оно было органично в Италии, настолько здесь стало неуместным и выглядело нелепо, театрално, словно случайно оказавшийся реквизит. Жизнь плавно спустила меня с небес на родную землю, и только разговоры с друзьями напоминали: ведь все это действительно было.

Наши СМС становились все короче и все формальнее. Расстояние не было союзником в едва начавшихся отношениях.

И все чаще я задумывалась о том, что эта удивительная история, начавшаяся в Италии, так там и останется. Что все это со мной произошло лишь для собственного выхода из тени, чтобы я, потерявшая веру в любовь, снова вспомнила, каково это – чувствовать себя по-настоящему желанной, достойной восхищения. Словно по чьему-то доброму замыслу, мне выпала эта встреча, чтобы развеять застарелые сомнения, вернуться к себе настоящей, к себе самой.

Я вновь начала светиться изнутри и радоваться каждому дню. Быть счастливой не от сообщения или ожидания встречи, а просто так. Потому что радость и любовь живут во мне самой. Всегда жили, просто я забыла об этом на какое-то время.

В сентябре Андреа спросил, хочу ли я его видеть, стоит ли

ему лететь. Не кружа и не утаивая, я написала честно: встретила другого и, увы, к переезду в Италию не готова.

В то лето судьба была невероятно щедра ко мне. Она подарила мне человека, который не только смотрел с обожанием и с которым я могла хохотать от души, но и тот, с которым я впервые за много лет почувствовала себя по-женски защищенной.

Он не разбрасывался словами, а просто был рядом – делил со мной ответственность за жизнь, став и остроумным другом, и чувственным любовником, и надежной опорой.

Он удивительно спокойно выдерживал и принимал мою эмоциональность, не гасил ее, а искусно переводил в конструктив, помогая видеть смысл в самых бурных переживаниях и находить направление среди хаоса чувств.

Через год мы поженились. И лишь когда наш семейный быт устоялся, муж решился признаться: накануне свадьбы он случайно увидел на экране моего телефона сообщение от итальянца. «Нет, нет! Не выходи замуж...» – так он сам это перевел. Дальше шли еще какие-то слова, но он их даже читать не стал – просто удалил сообщение.

К своему удивлению, в тот момент я чувствовала не злость, не обиду, что он залез в мой телефон, увидев уведомление на экране, а почти радость – за его трепет, его глупую мальчишескую ревность, так трогательно соседствующую

щую с возрастной рассудительностью.

Никакое, даже самое отчаянное, СМС не могло повлиять на мое осознанно принятое решение соединить жизнь с этим мужчиной. Я полюбила его всей душой, по-настоящему, доверяя, как доверяют только своим.

А итальянское приключение осталось жить в отдаленных комнатах памяти. Живет себе тихо, не тревожит, лишь изредка напоминает о себе, как сладкий запах из детства или письмо из прошлого.

Оно было мне необходимо, чтобы возродить силу, дарованную жизнерадостным, мечтательным, по-настоящему женственным женщинам.

Мое венецианское возрождение запустило и потянуло за собой цепочку увлекательных жизненных сюжетов – тех самых, где все происходит вовремя и так, как мечталось.

Великий и могучий «Парамон»

В нашем доме всегда было много журналов. Мама, работая на почте, каждый год их выписывала, а я с нетерпением ждала свежие номера, будто письма из дальнего города.

Самым любимым был, разумеется, легендарный «Советский экран». Мы черпали из него все: кто развелся, кто получил роль у Шахназарова, кто – путевку в Сочи, чья фотография украсила середину номера, кто стал народным, какие фильмы скоро выйдут на экраны...

Я аккуратно, почти хирургически, вырезала фотографии

советских артистов и развешивала на стене – в моей комнате со временем поселился настоящий пантеон: прекрасные Абдулов и Алферова – по центру комнаты, Алентова и Тихонов – справа, Янковский и Мирошниченко – слева, а в уголке разместились Костолевский с Фрейндлих.

Ежемесячная журнальная церемония начиналась одинаково – с лихорадочного перелистывания: кто на развороте? Для удовлетворения самого большого детского любопытства сначала смотрела портрет, а уж потом, совершенно медитативно, переходила к «Слову редактора», читала фамилии – и крутила в мечтах свою: вдруг и она там когда-нибудь появится?

За годы эта мечта превратилась в особую магию: очень мне хотелось стать частью загадочного списка «работавших над номером». А сверхмечта, почти запретная, тайная, – увидеть свою фотографию, аккуратно размещенную на глянце, и, что уж там, самой через напечатанное слово обратиться к читателям,.

Окончив экономический колледж – престиж небывалый в лихорадочных девяностых, – я честно отработала годик по специальности. Щелкала счетами, заполняла в только-только появившихся компьютерах таблички загадочного назначения. Но быстро стало понятно: сидеть тихо, как мышка в норке, не мой удел. Душа требовала праздника, и слова, и живых голосов, а не строгой немоты отчетности.

Поэтому с радостью и облегчением пошла в декрет, твер-

до зная, что в бухгалтерию больше ни ногой.

И, последовав зову души, поступила на заочное отделение филфака. Входила в древнерусский язык, как в пугающий океан, а позже с упоением учила плач Ярославны. Штудировала методику преподавания, ночами взахлеб читала все – от лирики Цветаевой до Уильяма Теккерея.

Когда сын освоился в садике, я сменила профессиональную траекторию – устроилась работать в школу. Сначала – вожатой: пропускала через себя детские заботы, их радости и обиды, училась строить космические ракеты из стульев и организовывать театры мод. А через пару месяцев – учителем литературы на полставки. С утра до вечера разрабатывали с коллегой – учителем труда творческие проекты, писали сценарии мероприятий, репетировали утренники. Зарплата была копеечная, но мне было фантастически интересно и увлекательно организовывать мероприятия, распределять задачи между учениками и коллегами, вести первые уроки. Так что меня все устраивало.

Но в тот злополучный день зарплаты я обнаружила: вместо привычной, хоть и скромной суммы урезанный почти на треть оклад. Удивившись, как будто мне внезапно подсунули не ту роль в спектакле, я отправилась к директору за объяснениями. Татьяна Александровна даже не моргнула: – Я сняла с тебя полставки вожатой.
– Почему?

– Ну, нагрузка была меньше.

Вот и все, что причиталось мне по сценарию директора услышать из объяснений.

Через пять минут на ее столе лежало мое заявление на увольнение – аккуратней некуда, с фамилией и датой. Возможно, директор школы рассчитывала на долгий разговор, слезы, торг или хотя бы «подумайте-обратно». Но во мне вдруг поднялась такая волна гнева – не из-за денег, которых и так было с гулькин нос, а за сам факт: меня никто не уведомил заранее, не посчитали нужным проинформировать, объяснить. Я почувствовала, что обесценили мою такую искреннюю вовлеченность в работу. И мне было оскорбительно и как сотруднику, и как человеку.

Были уговоры, крики в духе «ты подводишь коллектив», попытки надавить и вывернуться: видно, директору трудно было поверить, что такое резкое увольнение – это совсем не каприз, а вопрос достоинства. Я благодарна себе, что не дала заднюю и не согласилась лавировать между своими чувствами и чужими играми.

Самое удивительное произошло потом, как будто судьба намеренно создала такие условия, чтобы я перешла на другой уровень в игре под названием жизнь.

Уже через неделю после моего стремительного, почти скандального увольнения я оказалась на пороге работы своей мечты. В настоящем глянцевого журнала – месте, о котором я могла только мечтать. И собственно, мечтала.

Офис недавно появившегося на свет журнала «Выбирай» был невелик: на каждый квадратный метр приходилось по два сотрудника. Внутри все жужжало, словно улей, переполненный жизнью.

С самых первых дней я ощутила себя главной героиней какого-то интересного фильма: шум, гам, смех, горячие обсуждения. И среди этого хаоса ты чувствуешь себя как рыба в воде. Все вокруг казалось волшебным, а обычные рабочие будни превращались в приключение.

Я не все понимала, что происходит вокруг, но училась быстро, буквально из воздуха впитывала все новое. За какие-то три-четыре недели я уже ловко стучала вслепую по клавишам, показывала чудеса в Excel и даже с загадочным CorelDRAW подружилась – с осторожной симпатией, на «Вы», но все же.

Коллектив оказался разношерстным, но дружелюбным: почти со всеми сложились хорошие рабочие отношения. Кроме одного человека – соучредителя компании, человека вспыльчивого и жесткого. Почему-то с первых же дней между нами будто электричество заискрило. Помню, как ответила ему резко – не сдержалась. Позвонил с криком и приказом: «Срочно отвези. Пулей!» – а я, не моргнув глазом: «Пулей никак не получится, сейчас выполняю задачи непосредственного руководителя». Разговор завершился его гневными тирадами, которые я стоически перенаправила по инстанции выше. Насколько знаю, потом он требовал меня уволить,

и кто знает, куда бы меня вывела кривая, если бы Женя, наш директор, не отстоял меня.

Но все эти эмоциональные встряски меркли перед моим обожанием всех и вся и особым восхищением работой менеджеров по рекламе. Эти небожители для меня открывали новый мир: в отличие от нас, секретарей и бухгалтеров, зарабатывали раза в три больше, приносили в редакцию новости и деньги за рекламу, на летучках кидались креативными идеями по привлечению клиентов, делились историями о странных и чудесных встречах с заказчиками – все это казалось жизнью на другом, населенном только избранными уровне.

Я жадно впитывала каждое слово, училась у них искусству продаж рекламы. Мечтала, что однажды тоже окажусь среди них на равных – и смогу звонить клиентам, обсуждать соблазнительные предложения, приносить деньги и идеи в компанию.

А пока мое двухголовое образование – бухгалтера и педагога русского языка – позволяло мне быть многоруким Шивой редакции. Я отвечала на звонки, печатала документы, наливала кофе директору, заполняла графики, составляла отчеты, рассылала коммерческие предложения по просьбам менеджеров. Все просто – черновая работа, но для меня уже входной билет в этот удивительный, пока что закрытый мир.

Со временем я начала видеть в своих небожителях-менеджерах не только сильные, но и слабые стороны. Наблюдая,

впитывая их разговоры с клиентами, я постепенно понимала, что эти блестящие профессионалы тоже люди – с огрехами, страхами, сомнениями, иногда не самыми удачными решениями и обычной усталостью под конец недели. Глянцевый налет растворился, а на его месте проступила обычная человеческая фактура.

Лишь одна оставалась для меня недостижимой звездой и загадкой в рыжей оболочке. Это была Соня. Она никогда не входила – она врвалась, всегда на каблуках, электрически-огненная, грациозная, будто породистая лошадка.

Соня была чертовски красива: невероятно длинные ноги, огромные синие глаза с детским прищуром, губы, будто только что вылепленные скульптором, и, конечно же, веснушки, рассыпанные по плечам и носу, как пряная приправа к идеально сервированному блюду.

Но все это было только фоном для той манящей, почти мистической энергетики, которая исходила от нее.

Притом Соня никому ничуть не пыталась понравиться, даже наоборот: здоровалась рассеянно, улыбалась лениво и тут же уходила в свой тайный внутренний космос. Казалось, у нее всегда было тысяча и одно внутреннее дело, гораздо важнее и интереснее, чем любая внешняя суета. Парадоксальным образом ее независимость и вежливая отстраненность делали ее еще более притягательной и привлекательной.

Если другие менеджеры быстро стали для меня обычными

людьми, то Соня оставалась той самой мерцающей звездой, к которой упрямо тянулась душа. Я обожала в ней все: ее тихую влюбленность в себя, ее легкий независимый подход к работе, ее смешную увлеченность Гарри Поттером и даже, пожалуй, ее трогательную рассеянность, из-за которой она постоянно что-то теряла – ключи, блокноты, телефон, саму мысль разговора...

Со временем мы подружились – не случайно, не понарошку, а с тем настоящим чувством, когда рядом с человеком ты, ощущая поддержку и рост, сам становишься больше. На работе наши идеи сплетались, когда мы вместе разрабатывали макеты для журнала, словно артисты, подхватывающие друг у друга вдохновение. А вечером, расходясь по домам, мы вдруг оказывались на одной скамейке в парке, потому что невозможно было остановить наш поток разговоров, смеха и историй.

Я – давно замужняя, с ребенком, зажигательная хохотушка, которая всегда найдет повод для радости. Соня – супермодель вечеринок, загадочная звезда с томным взглядом и внутренним светом. Мы не были похожи, но нами обеими двигала жажда жизни и восхищение друг другом. Я удивлялась ее уверенности и умению быть в центре внимания, не прикладывая усилий, она смеялась над моими шутками и находила во мне легкость и смелость, которой, по ее словам, ей не хватало.

Прошло время, и мне стало очень тесно в роли офис-менеджера, я активно начала высказывать намерение перейти в отдел рекламы. Было совершенно очевидно: «девочка созрела»! Но найти такого же расторопного сотрудника на мою должность оказалось задачей не из легких.

Новая должность пришла с переездом в новый просторный офис. Все, к чему я так долго стремилась, начало сбываться: накопленный потенциал вдруг превратился в отличные рабочие результаты. Помню, с каким волнением ждала свою первую зарплату на новой позиции: впервые я держала в руках такие крупные суммы! Было ощущение, будто я вновь перешла на новый уровень жизни: сначала каждая премия казалась невероятной, но вскоре стала восприниматься нормой. С каждым месяцем мой доход рос: было настоящее золотое время для рекламы в глянцево́м мире.

Если бы тогда мне предложили выбрать любую компанию в Челябинске, где я хотела бы работать, – без колебаний ответила бы: «Парамон»! Для меня это было лучшее место на земле и настоящая работа мечты, где можно было не просто выполнять задачи, а воплощать свои идеи и реализовывать все свои таланты.

Продажа рекламных площадей в журнале – занятие на удивление азартное и даже в какой-то мере театральное, если подойти к нему с душой артиста.

Совместно с владельцами небольших, но упрямо растущих бизнесов мы придумывали все новые причудливые спо-

собы завлечь читателя, обернуть обычную рекламу в нечто яркое, запоминающееся. Мы спорили, смеялись – и со временем отношения со многими перерастали в приятельские.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.